

П. Дульскій.

ПАМЯТНИКЪ
Г. Р. ДЕРЖАВИНУ
въ
Казани.

Очеркъ къ столѣтію со дня смерти поэта.
1816—1916.

Казань
1916.

Даровано членом архивной комиссии
Мурзакееву на заседании
его альянса 1916. XII. 1

Оттискъ изъ журнала „Вѣстникъ Образованія и Воспитанія“
(1916. май—іюнь.)

Отпечатано 300 экземпляровъ.

К А З А Н Ъ.
Центральная типографія.
1916.

Проектъ монумента Г. Р. Державину,
соч. А. Мельниковыиъ. 18 окт. 1831 г.

Памятникъ Г. Р. Державину въ Казани,
по проекту архит. Тона.

Памятникъ Г. Р. Державину въ Казани.

Историческая замѣтка къ столѣтію со дня смерти поэта.

(6 июля 1816 г.—6 июля 1916 г.).

Мысль о постановкѣ памятника Г. Р. Державину въ Казани впервые возникла вскорѣ же послѣ смерти поэта, когда на „чрезвычайномъ“ публичномъ собраніи, 24 сент. 1816 г., устроенномъ Казанск. Общ. Люб. Отеч. Словесн., въ память „Пѣвца Фелицы“, И. Ф. Яковкинъ произнесъ рѣчь: „О заслугахъ, оказанныхъ покойнымъ Державиномъ Россійской словесности“ и внести предложеніе о сооруженіи памятника поэту¹⁾). Повторена была эта мысль 8 июля 1817 года секретаремъ того же общества, предложившимъ поставить Державину „приличный памятникъ“²⁾), и въ 1825 году еще разъ она была возбуждена на публичномъ актѣ въ 1-ой гимназіи директоромъ Лажечниковымъ³⁾). Но всѣ эти прекрасныя начинанія, какъ будто не покидавшія поклонниковъ поэта, все же на нѣкоторое время были предоста-

1) Н. Загоскинъ. Исторія Императ. Казанск. универс. Томъ 2-й, ч. 2-я, стр. 274—275

2) Архивъ Импер. Казанск. универс. Дѣло отъ 20 ноябр. 1828 г. за № 389. О сооруженіи памятника Державину. Томъ I.

3) Я. Гротъ. Жизнь Державина по его сочиненіямъ, письмамъ и историч. документамъ. Издание Импер. Акад. Наукъ. 1880 г. стр. 1017. Т. I.

влены забвению, и только въ 1828 году ¹⁾, опять же на торжественномъ собраниі, секретаремъ О-ва Л. О. С. Суровцевымъ вновь былъ поднятъ вопросъ о постановкѣ памятника Г. Р. Державину въ Казани, о чмъ даже Суровцевъ представилъ специальный до-кладъ, и только послѣ этого О-во Л. О. С. нѣсколько энергичнѣе взялось за дѣло. Въ 1830 году уже былъ составленъ проектъ памятника мѣстнымъ художникомъ Львомъ Крюковымъ, о чмъ О-во Л. О. С. представило попечителю слѣдующее заявленіе: „Общество полагаетъ, что въ такомъ видѣ воздвигнутый памятникъ, хотя и не увѣковѣчить памяти и безъ того уже бессмертнаго пѣвца Бога и Фелицы, по крайней мѣрѣ долѣ и живѣ будетъ свидѣтельствовать въ потомствѣ уваженіе къ заслугамъ его современиковъ“ ²⁾). Этотъ проектъ имѣлъ слѣдующую композицію: ступени и тумбу предполагалось устроить изъ гранита, полуколонну изъ бѣлаго мрамора, а бюстъ, надписи и украшенія изъ бронзы. На тумбѣ долженъ быть быть барельефъ и надписи: „Гавріилу Романовичу Державину“ „Любители Отечественной словесности“. На правой сторонѣ: родился въ Казани—годъ—мѣсяцъ и число; скончался, годъ—мѣсяцъ—число; на лѣвой сторонѣ: „Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный вѣчный“. Памятникъ предполагалось обнести чугунной рѣшеткой съ колоннами. Проектъ памятника былъ направленъ черезъ попечителя Мусина-Пушкина къ Министру Народнаго Просвѣщенія, князю Ливену ³⁾), послѣ чего былъ переданъ на заключеніе въ Императорскую Академію Художествъ ⁴⁾), которая признала сей рисунокъ (состоящій изъ бюста и пьедестала) неудовлетворительнымъ и поручила составить „въ томъ же родѣ, но въ лучшемъ видѣ“ ⁵⁾ новый проектъ профессору архитектуры Абраму Ивановичу Мельникову. Зодчій А. И. Мельниковъ (1784—1854) принадлежалъ къ школѣ „эллинистовъ“ и особенно увлекался дорикой; имъ была выстроена замѣчательная Никольская единовѣрческая церковь въ С.-Пб. (1826 г.), и на конкурсѣ проектовъ храма Христа-Спасителя въ Москвѣ онъ полу-

¹⁾ Ученые записки, издаваемыя Императ. Казанскимъ университетомъ. 1847 года Книга III, стр. 130.

²⁾ Архивъ Император. Каз. университета. Дѣло о сооруженіи памятника Державину. Томъ 1, листъ 4.

³⁾ Я. Гротъ. Жизнь Державина. Изд. Имп. Ак. Наукъ. 1880 г. Стр. 1018. Т. I.

⁴⁾ Московскія Вѣдомости, 1832 годъ, № 58, стр. 2591.

⁵⁾ Тамъ же.

чилъ первую премію¹⁾, въ области же ваянія и техники сооруженія монументовъ онъ тоже былъ большимъ знатокомъ и неразъ принималъ дѣятельное участіе въ обработкѣ архитектурныхъ частей памятниковъ у скульптора Мартоса²⁾), такъ что можно было бы ожидать, что А. И. Мельниковъ дасть въ своеі проектѣ Державину интереснѣйшее художественное произведеніе, но на дѣлѣ оказалось иначе, — проектъ былъ выполненъ въ очень скучной композиції, въ основѣ своей напоминавшей эскизъ художника Крюкова. Проектъ А. Мельникова Академіей Художествъ былъ одобренъ и 5 декабря 1831 года Высочайше утвержденъ³⁾), послѣ чего была открыта по всей Россіи подписка на добровольныя пожертвованія для сооруженія памятника Державину. Сборъ пожертвованій сразу далъ значительную сумму денегъ, превысившую смыту архитектора А. Мельникова, въ виду чого Министръ Внутр. Дѣлъ, графъ Блудовъ нашелъ возможнымъ вновь переработать проектъ для того, чтобы придать ему болѣе богатую и художественную выѣшность. По этому поводу графъ Блудовъ представилъ Государю Императору докладъ, гдѣ предлагалось: „соорудить памятникъ въ такомъ видѣ, который бы по изяществу рисунка и размѣрамъ соответствовалъ цѣли изъявить уваженіе Россіи къ одному изъ первѣйшихъ ея поэтовъ и, съ тѣмъ вмѣстѣ, служилъ бы украшеніемъ довольно важнаго города въ Имперіи, какова Казань“⁴⁾). Этотъ докладъ очень понравился Императору, и было Высочайше повелѣно предложить Академіи Художествъ „открыть конкурсъ для сооруженія памятника Державину“, при чмъ рекомендовалось Академіи дать художникамъ-конкурентамъ полную свободу въ смыслѣ смыты, такъ какъ желательно было бы, чтобы проектъ памятника, вида и своимъ соответствовалъ той значительной суммѣ, какая ожидается отъ приложеній на сей предметъ.“⁵⁾ Академія Художествъ горячо взялась за данное ей порученіе, и объявление о конкурсе, выпущенное Импер. Акад. Худож., любезно приглашало всѣхъ художниковъ принять участіе въ работѣ. Публикація о конкурсе была слѣдующей редакціі⁶⁾: „Имп.

1) Вар. И. Врангель. Каталогъ старинныхъ произведеній искусства, хранившихся въ Императорской Академіи Художествъ. 1908 г. Изд. „Старыхъ Годовъ“, стр. 87. (репродукція проекта воспроизведена въ книгѣ: „Историческая выставка архитектуры“. С.П.Б. 1911 годъ. Стр. 321.)

2) Игорь Грабарь. Исторія русскаго искусства. Томъ III. стр. 524.

3) Я. Гротъ. Жизнь Державина. 1880 г. Стр. 1018. Томъ I.

4) Я. Гротъ. Жизнь Державина. Изд. Имп. Ак. Наукъ. 1880 г. Т. I. стр. 1018.

5) Московскія Вѣдомости. 1832 годъ, № 58, стр. 2592.

6) Тамъ же, стр. 2592.

раторская Академія Художествъ, извѣщая о семъ Г-дѣ Членовъ, не состоящихъ въ дѣйствительной службѣ при онай, ровно, какъ и другихъ Г-дѣ Художниковъ по части скульптуры и архитектуры (ибо слушающимъ при Академіи Г-дамъ Художникамъ извѣстна уже сія Высочайшая воля изъ предписанія Г-на Министра Императорскаго Двора, слышаннаго въ свое время въ Академическомъ Совѣтѣ) приглашаетъ ихъ заняться сочиненіемъ проектовъ для памятника Державину. Срокъ для представлениія въ рисункахъ сихъ проектовъ въ Академію Художествъ назначается отнюдь не позже 31 Августа 1832 года, при представлениіи оные должны быть обозначены эпиграфомъ по произведенію сочинителя; имя же его должно заключаться въ особо приложенномъ при рисункѣ пакетѣ съ надписью на семъ послѣднемъ того самаго эпиграфа, который означенья на рисункѣ*. На призывъ Академіи Художествъ участвовать въ конкурсѣ отклинулось довольно много художниковъ, представившихъ къ сроку достаточное количество работъ, изъ которыхъ Совѣтъ Академіи одобрилъ три проекта. Президентъ Академіи, аттестуя лучшіе проекты, сообщалъ Министру Внутрен. Дѣлъ, что: „два изъ нихъ отличаются лучшимъ вкусо мѣромъ общій формѣ фигуръ и пьедесталовъ, а третій и въ достоинствѣ необыкновенной идеи“¹). Одобренные жюри эти три проекта были представлены на Высочайшее усмотрѣніе, и Государемъ былъ выбранъ проектъ академика Тона и съ примѣненіемъ къ нему статуи и барельефовъ сочиненія Г. Гальберга повелѣно было приступить вскорѣ же къ выполнению памятника²). Пока въ столицѣ шло выполнение монумента Державину, въ Казани много толковъ и споровъ вызвалъ вопросъ о мѣстѣ, где было бы болѣе подходящимъ поставить памятникъ. Еще въ 1830 году вопросъ о мѣстѣ установки монумента вызвалъ горячій обмѣнъ мнѣній между начальствомъ Казани, и въ своей официальной бумагѣ губернаторъ Жевановъ писалъ попечителю, графу Мусину-Пушкину: „На почтительнейшее отношение отъ 15 іюля, спѣшу уведомить Ваше Пре-восходительство, что мѣсто для сооруженія памятника генію Гавр. Ром. Державина, Вами избранное

¹⁾ Суроццевъ. Отчетъ о сооруженіи памятника Державину. Ученые записки, издаваемыя Импер. Каз. универс. 1847 годъ, чи. III стр. 131.

²⁾ Тамъ же, стр. 133.

на театральной площади, по мнѣнію моему нѣсколько закрыто и тѣсно, ибо безъ сомнѣнія почтенніе сословіе Каз. О-ва Любителей Отечества. Словестности проектировало соорудить памятникъ сей въ видѣ колоссальномъ, достойномъ славы великаго мужа, почему я полагалъ бы приличиѣ воздвигнуть оный на Арскомъ полѣ, противу того мѣста, гдѣ, какъ Вашему Превосходительству известно, будутъ зданія института благородныхъ дѣвицъ. Мѣсто сие по обширности и красотѣ равнинѣ нахожу я лучшимъ въ цѣломъ городѣ. Впрочемъ предоставлю обстоятельство сіе собственному благоусмотрѣнію Вашего Превосходительства¹⁾). Кромѣ этихъ предположений о выборѣ мѣста для памятника Державину, еще высказывались пожеланія поставить его „въ саду Чернаго Озера“²⁾, на городской площади³⁾, на университетской площади, вблизи зданія старой клиники и другихъ мѣстахъ.

Въ 1836 году Государь Императоръ при посѣщеніи университета, осматривая только-что возведенныя архитекторомъ Корине-скимъ постройки новыхъ зданій, повелѣлъ памятникъ Державину поставить среди университетскаго двора, противъ анатомическаго театра⁴⁾). Дѣйствительно, выбранное мѣсто представляло, въ то время, очень живописный уголокъ. Площадь имѣла форму полу-круга, въ углубленіи котораго, выдѣлялось стильное зданіе анатомическаго театра, соединенное съ зданіями физическаго кабинета и библіотечнымъ корпусомъ красивой желѣзной рѣшеткой съ колонками. Рѣшетка обрамляла, какъ разъ, границу полукруга и позади этой площадки былъ разбитъ скверъ, въ которомъ симметрично выдѣлялись, справа и слѣва отъ анатомическаго театра, два небольшихъ грота въ видѣ руинъ со стоящими на нихъ сфинксами⁵⁾, такъ что указанное мѣсто какъ нельзя лучше подходило и по своему виду и по плану для установки монумента, родственнаго по стилю съ тѣми новыми университетскими зданіями, которыя должны были быть для него фономъ.

Работа надъ выполненіемъ монумента продолжалась около десяти лѣтъ. Въ Казань памятникъ былъ доставленъ въ два транс-

1) Архивъ Императорск. Казанск. университет. Дѣло о сооруженіи памятника Державину. Томъ I, листъ 10.

2) Журналъ Минист. Внутр. Дѣль. 1832 годъ, часть VI, стр. 100. Архивъ Императ. Казан. университета. Дѣло о сооруженіи памятника Державину. Томъ I, листъ 21.

3) Я. Гротъ. Жизнь Державина. Изд. Акад. Наукъ. 1880. Стр. 1018, т. 1.

4) Отчетъ Императ. Казанск. университета за 17 лѣтъ. Съ 1827—1844 г. Стр. 437.

5) Журналъ Минист. Народн. Просв. Часть LXIV. (Годъ 1849 г.). Отд. III, стр. 5.

порта; въ 1843 году были сначала высланы каменные части, о чём Академія Художествъ сообщала попечителю¹⁾, „что мастеръ Степанъ Анисимовъ по заключенному съ Академіею контракту на изготавление гранитныхъ ступеней и лещади къ памятнику Державину окончилъ нынѣ работу сю со всею исправностью и скоро доставить водою въ Казань“, при чёмъ Академія Художествъ просила „чтобы под доставкъ въ Казань части памятника, послѣ задачи, были хранены, подъ надзоромъ мѣстной полиціи, впредь до присылки остальныхъ частей памятника“. На южной сторонѣ гранитной плиты сохранилась надпись, подтверждающая что каменные работы были выполнены Анисимовымъ. Высеченная надпись гласить: „Работалъ въ С. Петербургѣ Мастеръ С. Л. Анисимовъ“. Я. Гротъ въ своемъ труде „Жизнь Державина“ такъ описываетъ прибытие и переноску на университетскій дворъ ступеней и лещади памятника²⁾: „Касательно перевозки на мѣсто камня, доставленного водою въ Казань, донась дошелъ слѣдующій разсказъ очевидца. Чтобы пріискать лучшій къ тому способъ, университетское начальство созвало архитекторовъ, которые разумѣются указали на употребительная въ такихъ случаяхъ сложная и недешево стоящія приспособленія. Но приказчикъ судна рѣшилъ вопросъ гораздо проще. У стараго канала³⁾ бываетъ биржа или родъ ярмарки, на которую стекается множество народа. Къ этому утосборищу обратился онъ съ такою рѣчью: „Народъ православный! Вотъ пріѣхала Держава, и перевезти её надо, а какъ это сдѣлать, если ты не поможешь? Народъ православный! Помоги перевезти Державу!“ Толпа не задумываясь выразила свою готовность исполнить просьбу: тотчасъ устроены были салазки, и весь материалъ дружно былъ перевезенъ съ берега къ университету“.

Второй транспортъ, съ металлическими частями памятника, нѣсколько задержался въ столицѣ и былъ отправленъ въ 1846 году

¹⁾ Архивъ Импер. Каз. Университета. Дѣло о сооруженіи памятника Державину. Томъ I, листъ 1395.

²⁾ Я. Гротъ. Жизнь Державина. Изд. Ими. Ак. Наук. Т. I, стр. 1019.

³⁾ Протокъ Булакъ, вытекающій изъ сѣверной оконечности озера Кабанъ и впадающій въ р. Казанку.

съ запозданиемъ, благодаря чьему памятникъ зазимовалъ въ Нижнемъ-Новгородѣ¹⁾), и только ранней весной 1847 года онъ водой былъ доставленъ въ Казань къ набережной Булака, вслѣдствіе, чего и предполагавшееся открытие памятника въ 1846 г. не могло состояться, и дата, вылитая на лицевой сторонѣ пьедестала: „Г. Р. Державину. 1846“ оказалась не пріуроченной ко времени открытия памятника. Отправивъ барельефы и фигуру памятника, Импер. Академія Художествъ командировала въ Казань специалиста по гальванопластикѣ, мастера Межаика, для установки бронзовыхъ частей и просила попечителя „сдѣлать распоряженіе, чтобы, ящики съ мѣдными частями памятника повыгрозѣ и доставкѣ къ мѣсту, предназначенному для постановки памятника, оставались не раскупоренными до прибытія въ Казань Межаика“²⁾). Перевозка съ берега Булака на университетскій дворъ металлическихъ частей и фигуры опять вызвала затрудненія, такъ какъ эти части были довольно громоздки. Историкъ и знатокъ Казанского края Я. Посадскій въ своей запискѣ Казанского старожила, напечатанной въ литературномъ сборникѣ „Голоднымъ на хлѣбъ“, такъ описываетъ это событіе³⁾: „Весною 1847 года, во время разлива прибыль на дощаникѣ по водамъ Булака памятникъ Державину. У моста близъ второй гимназіи, монументъ этотъ красовался нѣсколько дней, пока не извлекли его на берегъ. Толпы любопытныхъ тѣснились на мосту и около дощаника, внизу Булака, съ утра до вечера. Университетское начальство вызвало подрядчиковъ, которые приняли бы на себя не легкую работу, то-есть сняли памятникъ съ лодки и доставили его на дворъ университета. Явился на этотъ вызовъ нѣмецъ, имѣвшій на Проломной улицѣ большое мѣдио-литейное и механическое заведеніе. Хотя онъ назначилъ за работу очень не дешевую цѣну (около 300 руб.), однако же университетъ изъявилъ на это согласіе, въ виду отсутствія конкурентовъ. Но дѣло разстроилось. Тимоѳеи Дѣяновъ. Явившись къ ректору (И. М. Симонову), Дѣяновъ заявилъ, что берется, съ артелью, вытащить изъ Булака статую Державина и привести ее на университетскій дворъ за четвертную (25 р.). Одѣть Дѣяновъ былъ плохо, но рѣчь его была серіозна и внушительна. Ему повѣрили и сдали работу, имѣя въ виду 275 руб. экономіи. Дѣйствительно

1) Н. Загоскинъ. Спутникъ по Казани. Стр. 586.

2) Архивъ Имп. Каз. университета. Дѣло о сооруженіи памят. Державину. Томъ I, листъ 1401.

3) Я. Посадскій (И. Я. Агафоновъ). Изъ записокъ Казанского старожила. Литер. сборникъ „Голоднымъ на хлѣбъ“. 1907 г. Стр. 210—212.

Тимофей Дьяновъ и приглашенные имъ человѣкъ двадцать рабочихъ очень ловко и дружно принялись за работу; придумали какія-то самодѣльныя drogi, принесли двѣ вязанки крѣпкихъ веревокъ и при помощи этихъ простыхъ орудій, безъ участія лошадей, притащили тяжелый металлическій монументъ къ воротамъ университетскаго Спижарнаго дома. Но тутъ случилась бѣда: ворота были низкія, съ перемычкой на верху. Когда памятникъ втаскивали въ ворота, то онъ въ нихъ завязъ, простертая вверхъ рука пѣвца Фелицы задѣла за перемычку. Рабочіе, собравши всю энергию, дернули за веревки, и указательный палецъ Державина отломился и упалъ къ ногамъ испуганныхъ рабочихъ. Увидѣвшіи бѣду, Дьяновъ и всѣ его сотрудники, съ быстротою молнии, разбѣжались въ разныя стороны, боясь отвѣтственности, отступивши отъ всякой платы¹.

Лѣтомъ 1848 года сооруженіе памятника закончилося; на мѣстѣ установки за ходомъ работы наблюдала строительная комиссія, въ которой принимали дѣятельное участіе мѣстные зодчіе Крампъ и Коринескій²). 16-го іюля 1847 года статуя Державина, „при многочисленномъ стеченіи зрителей“ была на блокахъ установлена на пьедесталъ³), послѣ чего были разобраны лѣса и памятникъ былъ завѣшанъ холстомъ.

Временемъ открытия памятника было назначено 22-е августа 1847 года. Приготовленія къ предстоящему торжеству начались за нѣсколько дней, и ко дню открытия памятника университетскій дворъ и зданія представляли очень нарядный видъ. Парадное крыльцо университета и обширныя лѣстницы были установлены тропическими растеніями, вездѣ были разосланы ковры, украшившіе вестибюль, а также путь, ведущій черезъ дворъ къ памятнику. Монументъ былъ закрытъ бѣлой завѣсой, а у его основанія на особыхъ возвышеніяхъ были поставлены бюсты „великихъ мужей древности и новыхъ временъ“, решетка амвона и балконы для публики были декорированы дубовыми гирляндами и вѣтвями зелени³). Торжество открытия началось въ 10 ч. утра въ университетской церкви. Послѣ литургіи всѣ присутствующіе перешли къ памятнику, вблизи которого размѣстились учащіеся двухъ гимназій и студенты университета и духовной академіи. У памятника Державину была отслужена панихида, и во время возгласа „вѣчной памяти“ поэту завѣса съ монумента спала,

¹⁾ Архивъ Импер. Каз. университета. Дѣло о сооруженіи памятника Державину. Томъ I, листъ 1394.

²⁾ Казанская Губернская Вѣдомости. 1847 годъ, № 30, стр. 377.

³⁾ Журналъ Министер. Народн. Просвѣщ. Часть LX—1847 г. Отд. VII, стр. 30.

открывъ передъ зрителями красивую виѣшность новаго сооруженія¹⁾. Видъ его представлялъ слѣдующуу картину: на довольно высокомъ постаментѣ, украшенномъ съ трехъ сторонъ барельефами, а съ лицевой стороны надписью: „Г. Р. Державину. 1846.”, поэть, сидя на камнѣ, очевидно въ экстазѣ творческаго вдохновенія, смотрѣть въ даль небесь; лѣвой рукой онъ береть лиру, чтобы ударить въ струны, а правая приподнята и какъ бы поддерживаетъ главу поэта, полную думъ и мечтаній. Поэтъ одѣтъ въ красивую тогу. Барельефъ съ лѣвой стороны памятника изображаетъ аллегорическую картину, представляющую просвѣщеніе, побѣждающее, безъ силы оружія, невѣжество: „которое падаетъ роняя свою маску”²⁾. Есть еще и другое толкованіе сюжета этого барельефа: средняя фигура изображаетъ Минерву, карающую мятежъ; молодой Державинъ, слѣдя за ней, чувствуетъ прикосновеніе Аполлона, вдохновляется и поетъ первую свою пѣснь, посвященную усмирению бунта Пугачева³⁾. Барельефъ съ правой стороны изображаетъ поэта, декламирующаго свои стихи передъ Фелицею, въ сторонѣ слушаютъ пѣсни три хариты. На южной сторонѣ пьедестала изображены двѣ фигуры, олицетворяющія день и ночь, какъ символы постоянныхъ занятій поэта. Разматривая данный памятникъ, какъ безусловно художественное произведеніе, выполненное въ классическомъ стилѣ, прежде всего задаешься вопросомъ, что принадлежитъ въ немъ творчеству Карла Тона, а что надо отнести къ скульптору Гальбергу; намъ кажется, что Тону можно приписать только самую идею этого произведенія, которую онъ выразилъ въ своеѣ проектѣ, представленномъ на конкурсъ, и только этимъ ограничилось участіе Тона въ созданіи памятника Державину, разработка же композиціи барельефовъ, а также постановка фигуры есть исключительно творчество Гальберга. Еще въ 1832 году, когда президентъ Академіи Художествъ, представляя Министру Внутреннихъ Дѣлъ одобренные на конкурсъ три эскиза памятника, пояснялъ⁴⁾, что „всѣ три проекта тре-

1) Вторая часть торжества происходила изъ залѣ университета, гдѣ была произнесена рѣчь профессоромъ К. К. Фойтомъ и прочитанъ отчетъ Г. С. Суровцевымъ о сооруженіи памятника. Вечеромъ была устроена яркая иллюминація на университетскомъ дворѣ у памятника.

2) Н. Загоскинъ. Сщутникъ по Казани. 1895 г. Стр. 588.

3) Г. С. Суровцевъ. Отчетъ о сооруженіи памятника Державину. Ученые записки. Изд. Имп. Каз. университет. 1847. Книга III, стр. 132. Журналъ Минист. Нар. Просвѣщ. 1847 г. Часть LV. Отд. VII, стр. 32. М. Н. Шингарть: „Казань тѣ ея прошломъ и настоящемъ”, 1890 г., стр. 391.

4) Г. С. Суровцевъ. Отчетъ о сооруженіи памятника Державину. Ученые Записки Издан. Импер. Каз. университет. 1847 г. Книга III, стр. 131.

буть большого пособія отъ ваятельного искусства; всѣ три украшены статуями и барельефами, которые при обработкѣ искусствімъ скульпторомъ могутъ совершенно измѣниться и получить совсѣмъ другой видъ согласно счастливой идеѣ ваятеля², онъ этимъ уже какъ бы предоставлялъ скульптору, который возьмется выполнить памятникъ, полный просторъ для его фантазіи, такъ какъ былъ увѣренъ, что на участіе Тона расчитывать нельзя, хотя онъ и являлся сотрудникомъ этого дѣла, какъ авторъ премированного проекта. Да и въ самомъ дѣлѣ, академикъ Тонъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ былъ такъ перегруженъ работой, что провинціи онъ могъ удѣлять очень незначительную долю своего времени. Въ 1832 году, онъ занять былъ строительными работами по сооруженію лѣстницы со сфинксами на набережной у Академіи Художествъ; въ это же время онъ передѣлывалъ иконостасъ Казанскаго собора, участвовалъ въ постройкѣ арсенала и другихъ зданій, руководилъ классами архитектуры въ Академіи Художествъ, и съ 1830 года¹) у него началась, не прекращавшаяся чуть ли не въ теченіе 50 лѣтъ, работа по сооруженію храма Христа Спасителя въ Москвѣ. Участіе въ конкурсѣ памятника Державину Тонъ принималъ только изъ-за любви къ искусству, не думая разрабатывать свой проектъ въ деталяхъ, цѣнность же этого памятника какъ разъ и заключается въ барельефахъ, фигурѣ поэта, авторомъ которыхъ былъ Гальбергъ.

Скульпторъ Самуилъ Ивановичъ Гальбергъ (1788—1839), принадлежавшій къ школѣ Мартоса, далъ рядъ прекрасныхъ художественныхъ произведеній своего рѣзца, которая теперь составляютъ этапъ въ исторіи русской скульптуры; памятникъ Державину въ Казани въ этомъ спискѣ работъ Гальберга занимаетъ не послѣднєе мѣсто, представляя интересный образецъ декоративнаго искусства. Обращаясь къ описанію художественной стороны памятника Державину, мы прежде всего должны замѣтить, что фигура поэта, составляющая самую важную часть памятника, хотя и не лишена нѣкоторыхъ достоинствъ, все же нѣсколько раздражаетъ непріятнымъ положеніемъ правой руки. Относительно барельефовъ надо сказать, что они выполнены съ большимъ вкусомъ и составляютъ главное украшеніе памятника. Лучшей частью праваго барельефа, въ центрѣ котораго изображенъ Державинъ, декламирующій свои стихи передъ Фелицею, является то мѣсто, гдѣ великолѣпно изображены три грации, внимательно слушающія поэта: прекрасная мо-

¹⁾ Петроградскія Вѣдомости. 1881 годъ, № 26.—27 января.

делировка и свободная композиція этихъ фигуръ говорятьъ о большомъ мастерствѣ скульптора; средину этого барельефа занимаетъ фигура поэта, не вполнѣ удавшаяся скульптору, но зато, лѣвая сторона барельефа весьма интересна тѣмъ, что она почти цѣликомъ воспроизводить профиль мраморной фигуры Екатерины II (1831 г.), находящейся въ конференцъ-залѣ Академіи Художествъ и изваянной Гальбергомъ же. Другой барельефъ, изображающій „Правосудіе“, въ своей композиціи производить болѣе цѣльное впечатлѣніе, чѣмъ предыдущій; всѣ фигуры этого барельефа имѣютъ общую связь, стройность рисунка и красивую ритмичность движеній. Третій (южный) барельефъ „День и Ночь“ тоже представляетъ интересъ въ смыслѣ оригинальной трактовки символовъ. Голова фигуры „День“ украшена дискомъ солнца, бросающимъ свои лучи во всѣ стороны, „Ночь“ же, наклонившая свое лицо, имѣетъ надъ головой вѣнокъ звѣздъ; оригинальная композиція, задумчивость позъ, прелестная декоративная обработка вполнѣ даютъ намъ представление о скульпторѣ, любившемъ „мечтательную красоту“. Возможно думать, что Гальбергъ, работая эти барельефы въ своей академической мастерской, пользовался совѣтами Мартоса, который числился въ Академіи заслуженнымъ ректоромъ скульптуры, Гальбергъ же въ это время былъ профессоромъ II-ой степени; но это только наши предположенія. Отливка бронзовыхъ частей памятника была поручена мастеру Гамбургеру¹); закончивали же модели для отливки ученики Гальберга—Рамазановъ и Климченко²).

Памятникъ Державину, находясь на университетскомъ дворѣ, все же былъ недоступенъ для осмотра большинству, а прѣїзжіе могли даже и не знать о его существованіи; эти соображенія заставили Казанское губернское земство, въ началѣ 1867 года, хлопотать о переноскѣ памятника на театральную площадь. Въ своемъ ходатайствѣ земство обращало вниманіе на то, что „памятникъ, будучи со всѣхъ сторонъ окружены стѣнами и высокими зданіями, мало доступенъ для публики, при томъ памятникъ не можетъ способствовать ни украсенію города, ни поддержанію въ обществѣ воспоминанія о трудахъ покойнаго поэта и получаетъ отъ мѣстоположенія своего значеніе какого-то частнаго монумента, почти излишниго³).

¹) П. Петровъ. Сборникъ материаловъ для исторіи Император. Академіи Художествъ за сто пять существованія. Томъ III, стр. 35.

²) Новый энциклопед. словарь Брокгауза и Ефрона. Томъ XII, стр. 520.

³) Я. Гротъ. Жизнь Державина. Изд. Импер. Акад. Наукъ. 1880. Т. I, стр. 1021.

Вследствие этого ходатайства послѣдовало Высочайшее соизволеніе на приведеніе въ дѣйствіе просьбы губернскаго собранія, и памятникъ въ 1870 году былъ перенесенъ на новое мѣсто—театральную площадь, гдѣ находится и въ настоящее время.

